

без религиозного сознания, без страха Божьего, – все они развивали отправную гипотезу Декарта, перетолковывая основные категории модерна. Например, категорию духа в религиозном обществе, сознании – а это божественное присутствие в человеке – то, что превращает глину в божественное, живое, сознательное существо. Философы же модерна говорят, что, если Бога нет, значит, это некая внутренняя сила, готовность человека к бытию. Душа же – что-то эмоциональное, какие-то внутренние струны. Остается телесность в качестве главной категории этого нового мира без Бога, где материя стала главной движущей силой, а вечность заменена такой категорией, как время. Время было принято линейным и, собственно, дальше все переместилось в линейное временное материальное измерение, где и возникли на основе трех протестантских ветвей христианства три политические теории модерна. И либерализм, и марксизм, и фашизм – это материалистические позитивистские прогрессистские идеологические модели, которые могли содержать в себе какие-то квазирелигиозные компоненты лишь для того, чтобы в дальнейшем их окончательно преодолеть и уже избавиться полностью от такого религиозного духовного присутствия.

Метафизика воспринималась в вульгарном виде, как некая мистика, какие-то непонятные необъяснимые проявления того, что отвергнуто, и все остальное полноценно было сверху донизу основано на этих основных базовых предпосылках модерна, что принципиальным образом отличает четвертую политическую теорию от трех политических теорий модерна. Она перестает абсолютизировать материализм, прогрессизм и позитивизм, больше не делает из них некие новые божества языческого толка нового материального мира модерна. Она, наоборот, ставит их под сомнение. Это могут быть и значимые элементы человеческого бытия, но уж точно не самые главные, даже не на втором и не на третьем месте. Она возвращает Бога на его место. Если Декарт вынес Бога за скобки, то четвертая теория реабилитирует традицию и возвращает Бога на его место. И прогрессистское движение «вперед и вверх» видится как «назад и вниз». Так видят традиционалисты ипостась сегодняшнего мира, его падение, если критерием брать дух, духовность, метафизику и божественное присутствие, а не материально-техническое развитие. С точки зрения духовных оценок мир современный падает, катится в бездну, а растет только в материальном. А материальное не является главным, как и все, что вытекает из этого нового переосмысления нашей реальности.

Четвертая политическая теория выходит за рамки модерна, сам модерн ставит под вопрос и, соответственно, выстраивает свои идеологи-

ческие основания на иных принципах, видя перед собой вот эту конечную цель. Это цель существования в нашем случае русского мира – это идея русского спасения, то есть создания условий в нашем русском бытии для достижения этой цели, то есть для этого спасения. И четвертая политическая теория является в этом смысле дорожной картой на пути к спасению, к этой русской цели – русской идее.

Конечно, четвертая политическая теория – это некоторый технический термин, который используется в таких первых философских осмыслениях того, что может быть альтернативой трем политическим теориям. Но для более широкого применения можно использовать такие определения, как философия традиционализма, традиционалистская философия или, например, неотрадиционализм. Понятно, что здесь есть некая отсылка к интеллектуальным изысканиям Рене Генона. Но, с другой стороны, во-первых, это является делом небольшой интеллектуальной группы, в период, относящийся к началу XX столетия, а во-вторых, ничему не противоречит. Да, действительно идеология традиционализма четвертой политической теории основана на традиции. Да, действительно она критически относится к модерну, к Генону и его последователям. Да, действительно она выстраивает новые основы бытия на базе этого возвращения к традиции, воспринятой не как что-то уходящее, какой-то пережиток линейной оптики прогрессистского сознания модерна, а как то, что никуда не уходило и не могло уйти, находясь в центре человеческого бытия. Если мы от этой линейности, которая является исключительно чистой категорией веры, тоже опять-таки откажемся, то увидим, что традиция не могла быть преодолена, потому что она и не могла никуда уйти, потому что она есть и смысл человека, в своей онтологической бытийной основе является изначальным, традиционным Божественным.

На уровне рассудка человек не отрицал это, пытался заболтать и замолчать, отказать, его подсознание, коллективное бессознательное – то, что является неотъемлемым, не позволяет этого сделать. Человек может отрицать традицию, божественную суть только на уровне рассудка, но когда рассудок засыпает или перестает доминировать, тогда его подлинная человеческая суть, традиционная, бытийная, обнажается и дает о себе знать. И человек понимает, что оно никуда не делось и не может деться. Мы, по сути, не возвращаемся назад, если обращаться к прогрессистским российским оценкам происходящего, а двигаемся вперед, выстраиваем традиционное общество перед собой. Традиция как будущее, традиционное общество – как то, что стоит впереди нас, и в этом смысле весьма уместен и полезен нам становится постмодерн, парадигма по-

стмодерна, которая также является, в философском смысле, открытым кодом, некоей системой координат, в которой можно развить либеральные прогрессистские, модернистские тезисы, что и делают, собственно, неолибералы, глобалисты, сторонники либерального постмодернизма, воспринимая человека даже не как субъекта, что утверждал модерн, а как некий объект. Это объектно-ориентированная онтология Хармана Грэма например. Выстраивается множество объектов – еще одна философская категория – которые должны управляться искусственным интеллектом, потому что он более совершенен, избавлен от иррациональности человеческого сознания, более рационален, последователен, а значит, этим множеством таких расчеловеченных, атомарных, рассыпных, дискретных индивидуумов, постлюдей, биомеханоидов должен управлять искусственный интеллект. Потому что человек, лишившись своей как бы онтологической субъектности (начинают опять-таки настаивать на этом философы-модернисты – Жиль Делез и др.), как бы становится совсем нерациональным, и уже никуда не годится это множество постчеловеческих особей, поэтому только искусственный интеллект и способен им управлять.

Кстати, постмодерн либеральный критикует модерн как раз за эту слишком ярко выраженную субъективизацию человека, за слишком сильное доминирование рассудка, за волю, за целеустремленность, в котором жили в обществе модерна. Это чистый фашизм с точки зрения постмодерна. Что значит «волевое начало»? Что значит – люди собрались и вместе куда-то движутся в рамках политической нации? Это фашизм. Или – что значит воля? Решил человек – и делай. Мало ли он что там решил. Может, это противоречит (как правило, противоречит) воле другого человека и других людей? Соответственно, воля и рассудок тоже должны быть размыты. Вообще, субъектность, человеческая цельность размываются в постмодерне, человек превращается из субъекта в объект, постепенно в ходе этих трансформаций, экспериментов над полом, гендером, идентичностью, идя по пути отказа от коллективной идентичности. Это либеральное осмысление постмодерна, то есть использование системы координат постмодерна в интересах либерализма. Но точно так же мы можем использовать постмодерн в интересах традиции. Постмодерн критикует модерн? Замечательно, мы согласны! Но только не за волевое начало цельности слишком субъектного человека, а наоборот, за расчеловечивание, обезволивание, абсолютизацию материального, и от метания метафизического. Традиция тоже критикует модерн. И самое главное преимущество постмодерна в том, что он как бы снимает доминирование модерна, отменяет его, создавая

равные открытые условия – и для традиций, и для модерна. И вот в этой равной борьбе мы, собственно, с модерном и вступаем в схватку за будущее. Мы, традиционалисты, вытесняем с пьедестала модерн, который доминировал в течение XVII–XX веков, особенно последние три столетия. Мы его как бы отодвигаем, обнуляем и вступаем в равную борьбу с традиционалистских оснований.

Вот в этой открытой системе открытого кода постмодерна преимущество постмодерна для нас, и он открывает возможность четвертой политической теории. Уже не доминируют три политические теории модерна. Отправляются на свалку марксизм, либерализм и фашизм. И мы начинаем выстраивать идею неолиберализма, неотрадиционализма, традиционалистскую идеологию будущего.

Теперь скажем совсем кратко, буквально по пунктам, в чем выражается идеология традиционализма в прикладном качестве, потому что сразу же начинает возникать ряд возражений, вопросов, контрдоводов. Самый главный контрдовод – возвращение к традиции означает отказ от всего современного, технологий. Одна из главных риторических уловок в ходе языковых игр модерна против традиции заключается в тезисе: «Тогда откажитесь от смартфона, ходите в лаптях, катайтесь на телегах, что это вы ездите на автомобилях?» Это чистая уловка, потому как традиция возвращает на место базовые вещи: вечность, Бога и метафизику. И совершенно мало внимания уделяет материальному, с пренебрежением относится к нему, ставя его гораздо ниже, чем духовное. Соответственно, значение материального не абсолютизируется так, как в модерне. В модерне смартфон обожествляется, как паровая машина, которая совершила переворот в сознании европейского человека и стала причиной промышленной революции, на основании которой выстраивались и дальше уже социальные основания европейского западного бытия.

Традиционалист не абсолютизирует материальное, для него оно остается в рамках набора утилитарных функций, то есть по телефону традиционалист просто разговаривает, на машине просто ездит. Он не обожествляет машину, не поклоняется ей, на основании этого не трансформирует свое бытие, как это сделал модерн. Раз паровая машина появилась, значит, нужно пересмотреть азы нашего бытия, общества, социального устройства. Раз паровая машина есть, значит, давайте бросим вызов Богу, значит, Бога давайте уберем – и дальше полная перестройка социального устройства. Нет, традиционалисты этого не делают. Богу – Богово. Бог и спасение остаются на месте, традиционный образ жизни остается. Добавляются паровая машина, автомобиль и телефон. Мы звоним по телефону, и при этом спасаемся.

Бога ставим в центр своего бытия, возвращаем трехсоставную модель «Бог, человек и природа» вместо усеченной, кастрированной модернистской, субъектно-объектной пары «человек и природа». Вот и всё. А телефон, пожалуйста! Это, кстати, описано даже и у многих западных идеологов и теоретиков, например такая категория, как «модернизация без вестернизации», когда мы научно-технические достижения воспринимаем как некое утилитарное проявление, используем отдельно, а духовное, божественное, всё, что на этом основано, отдельно, не противопоставляя друг другу. Мы не вестернизируем свое общество, а лишь модернизируем его только в технологическом ключе. Таким образом, идеология четвертой политической теории неотрационализма спокойно относится к технологиям, они остаются на своем месте. Просто их статус меняется на утилитарный и прикладной, и дальше следующие вопросы, которые всегда возникают, когда речь идет об идеологиях – что будет с экономикой? Идеологи традиционализма всегда настаивают на многоукладной экономике, когда крупные средства производства ресурсодобывающей и тяжелой индустрии, военная промышленность принадлежат государству, средние производства принадлежат коллективам, мелкое производство или сфера услуг (парикмахерские, кафе, мастерские) могут принадлежать частникам. Это что касается экономики.

Самое главное – это возвращение религиозного сознания (Бога, церкви и спасения) на место, туда, где оно должно быть, и это основная категория, а дальше – всё, что из нее вытекает. Например, кто является субъектом в идеологии традиционализма? Народ, но народ, не перетолкованный модерном как некое множество граждан того или иного государства, как сейчас это используется часто (народ Америки, французский народ, народ страны Российской Федерации, просто все множество граждан РФ), а народ как органическая общность, его этносоциологическое представление, как надэтническая, органическая общность на основе общей культурной матрицы. Это субъект идеологии традиционализма. С точки зрения государственного устройства это традиционное государство, где многообразие этносов, культур, конфессий и языков является нормативом. Это еще можно определить как государство империи. Опять-таки начинается много понятийных уловок, что в империи должен быть император. В ней может быть монарх, но необязательно. И важно еще оговаривать, что империи нужно разделять на два типа: морские и сухопутные. Морские основаны на принципе «метрополии – колонии». Сухопутные – на принципе «центр – периферия». Морские империи эксплуатируют свои колонии, сухопутные – обустривают.

Это два разных типа империй, и тот самый империализм, который критиковали революционеры XX столетия, относится собственно к сфере морских империй, а если мы говорим о России, то это сухопутная империя, обустривающая, которая развивает свои окраины и свою периферию.

В сфере геополитики, больших международных отношений – это идея многополярного мира, плюрального мира, где все культуры, цивилизации и традиции находятся в равных правах, а не как сейчас, когда одна из цивилизаций назвала явление своего исторического опыта универсальным и абсолютным, пытается доминировать над человечеством, подавляя и уничтожая все многообразие культуры, загоняя всех в свой культурно-цивилизационный стандарт Запада, объявленного как бы идеальной цивилизацией, а всех остальных помещая в категорию варваров и дикарей. Это основные вехи идеологии традиционализма, которая противостоит идеологии модерна и в которой только и возможно достижение русской мечты, понятой как идея спасения для народов как органических общностей, для русского народа в частности. То есть это условия для спасения. Таким образом, сам по себе модерн как парадигма противостоит русской идее. Ее достижение возможно лишь через преодоление модерна. Это не означает полную отмену модерна. Какие-то фрагменты могут быть использованы, особенно относящиеся к сфере материального, но не парадигмальные основы, связанные с отрицанием Бога, божественного и духовного, или абсолютизацией времени. Время – важная категория, но не единственная, основная и доминирующая. И опять-таки мы можем брать от модерна какие-то элементы волевого начала человека, целеполагание и рассудочность, не делая их единственными категориями человеческого бытия. Рассудок – важно. Воля, главная категория модерна, важная составляющая человека, но божественное присутствие важнее. Дух, душа и стремление к спасению, то есть идеология традиционализма, в этом смысле идеология будущего. Она разворачивается в системе открытого кода парадигмы постмодерна, которая также является данностью. Она ставит под сомнение модерн, но не отменяет его, не отрицает полностью, не ставит под запрет. Просто ставит его на свое место, вместе с его базовыми основами, и целью, естественно, является русская идея как спасение, к чему мы, традиционалисты, и все, кто за нами следует, стремимся.

Доклад 45. Русский контур в экономике

Олег Владимирович Степанов

Основатель проекта «Россия 2062»
и АНО содействия развитию территорий «Большая Земля»,
эксперт комитета экономики ГД РФ и МСХ РФ.

Часть 1. Потребительская экономика – механизм катастрофы

«Потребительская экономика» (не исключая марксизм) – продукт западной мысли – более ста лет указывала магистральный путь развития мирового хозяйства. Сейчас «потребительская экономика» находится в кризисе и ведет к катастрофе – экономической, социальной и природной. Мировая экономическая мысль ищет выходы из кризиса в идеях социальной справедливости и устойчивого развития. Но эти идеи лежат вне экономических механизмов и звучат просто как этические императивы, поэтому не дают результата.

Нам кажется, что самостоятельной русской экономической мысли не существовало. Однако это не так. Серебряный век был расцветом русской культуры и науки. Мы находим там очень сильные концепции хозяйствования, исходящие из целостного восприятия Вселенной и человека, как ее активной части. Что, собственно, и дало изначальный толчок развитию экологических концепций об устойчивом развитии, но затем, как мы увидим, было искажено логикой потребительского восприятия механизмов хозяйствования. Пришла пора русской экономической мысли, опираясь на собственную традицию, задать новые тренды, которые могут придать экономике новое, действительно «устойчивое развитие».

Что такое экономика в мейнстримном либеральном понимании и в чем ее приводной ремень? Наука экономика изучает законы хозяйственной деятельности человека. В современных экономических моделях они имеют характер необходимости, т. е. как яблоко с необходимостью закона тяготения падает на голову Ньютону, так и мы с неотвратимостью необходимости удовлетворяем свои потребности, карабкаясь по пирамиде псевдо-Маслоу от основания к вершине, от базовых к так называемым «духовным потребностям».

Наши потребности мы удовлетворяем при помощи товаров и услуг, нами же производимых. Например, чтобы удовлетворить потребность сидеть на стуле, а не на полу, кто-то купит дерево и, вложив свой труд, с помощью средств производства сделает стул. Таким образом, за счет труда человека будет создана добавленная стоимость – разница между ценой куска дерева и стула. А если средства производства и материал приобретенные, то значит, в процесс вложен капитал, требующий отдачи с премией.

Как возникает цена? За счет вовлечения товаров и услуг в процессы мена, т. е. торговли. По современным представлениям в процессе обмена возникают точки равновесия между многими факторами, а не только объемом спроса и предложения, как это было в модели Леона Вальраса столетней давности. В этих точках равновесия и возникает цена.

Товары и услуги, удовлетворяя наши потребности, имеют свойство терять свою полезность или ценность для нас – ломаются, стареют, «съедаются», и нам требуются новые товары и услуги. Так возникают циклы производства/потребления, так крутится маховик экономики. Если бы ценность не исчезала, то маховик экономики остановился бы – экономика «сломалась». Чем с большей амплитудой и чем быстрее он крутится, тем больше ВВП – годовой объем производимых товаров и услуг на территории. Считается, что чем больше ВВП, тем богаче люди на этой территории, ведь, поделив ВВП на количество проживающих людей, мы получаем как бы «подушное богатство». А еще есть странное требование к ВВП – все время расти (иное не обсуждается), нельзя быть таким же «богатым» как вчера, надо становиться только богаче. Видимо, так создается иллюзия стабильности, так как если завтра все произведенное и приобретенное «подушное богатство» должно превратиться в ничто, чтобы работала экономика, то хотя бы этого завтрашнего «ничто» должно стать больше.

В современной либеральной экономической картине есть еще одно важное понятие – производительность труда. Она тоже должна все время расти (никак иначе), потому что чем выше производительность труда, тем больше «богатства» создается в единицу времени. Рост производительности труда достигается за счет двух факторов: упрощение трудовых операций человека и замены уже упрощенного человеческого труда автоматами (к этому в пределе приводит совершенствование средств производства).

Вот непротиворечивая картина «мира экономики», или *economics*. Кажется, что тут все просто, логично и естественно, надо только не сопротивляться, не препятствовать, и все отрегулируется согласно разум-

ным законам экономики. Однако в этом мире есоnomics есть серьезные противоречия и проблемы, постепенно приводящие наш реальный мир к катастрофе: финансовой, социальной и природной.

Во-первых, такая экономика не должна создавать никаких долгосрочных ценностей, иначе маховик перестанет крутиться. И даже более того, чем «более быстро исчезающие» блага создаются в есоnomics, тем лучше – маховик крутится быстрее, растет ВВП. Но блага не берутся из ниоткуда и не исчезают бесследно. Для производства благ нужны ресурсы, а после их исчезновения остаются отходы. То есть сам механизм такой экономики требует использования все большего объема ресурсов и выброса все большего количества отходов и ведет к экологической катастрофе. Требования беречь ресурсы, использовать возобновляемые ресурсы, перерабатывать отходы лежат в моральной плоскости, вне законов и механизмов есоnomics. Да и смешно полагать, что потребительский продукт может возникнуть из ничего и превратиться после использования в ничто, а в любом ином случае при бесконечном росте ВВП все равно и ресурсы будут расходоваться больше, и отходы будут расти.

Вторая нерешаемая проблема есоnomics – спекуляция, и даже не спекулятивный капитал, а возникновение чисто спекулятивной ненастоящей ценности. В потребительской экономике никогда не будет взаимосвязи «цены» и «ценности». Потому что ценность создается в процессе производства и труда, а цена возникает совершенно независимо – в процессе торговли и обмена. На эту проблему обращали внимание еще экономисты XIX века, и до сих пор не оставляются попытки связать цену с количеством и качеством труда. Но безуспешно – цена складывается во время обмена и торговли. Это приводит к тому, что спекулятивная составляющая цены играет решающую роль.

Мы видим, что, например, цена на некоторые продукты во время пандемии подскочила из-за спекуляций на временном дефиците в х раз. Дефицит исчез, а цена осталась прежней. Стало ли вкладываться больше труда в производство этих продуктов, изменился объем спроса или предложения? Нет. Это фокусы спекулятивной торговли – возникла дутая спекулятивная стоимость.

Другой пример – напиток Соса или Pepsi или любая другая шипучка, продающаяся в банках и бутылках. Десятками лет состав этих напитков никак не меняется, только триллионы вливаются в рекламу, в брэндинг – и стоимость брендов растет. Зачем улучшать производимый продукт, если можно просто ввести в Совет директоров трансгендера – и стоимость компании вырастет! На данный момент более 95% стоимости этих компаний составляют нематериальные активы – т. е.

спекулятивная часть или «воздух». В мировой экономике стоимость нематериальных активов превышает объем реально производимых товаров и услуг в восемь раз! Это тоже следствие менового контура экономики – трансгендеры там сейчас продаются лучше, чем непосредственная полезность производимого продукта.

Третья проблема потребительской экономики вытекает из первых двух – растущий объем постоянно производимых и постоянно исчезающих благ сводит их потребительскую полезность к нулю. Ну да, первая машина полезна, вторая – менее, а двадцать первая машина какую имеет потребительскую полезность? А как зафиксировать богатство, фундаментальное свойство которого, во-первых, исчезать, во-вторых, полезность которого стремится к нулю. Механизмы экономики требуют продажи «воздуха», а человеческая природа требует накопления богатства – это взаимоисключающие вещи. Именно поэтому развиваются чисто конвенциональные, основанные на чистом согласии, методы фиксации богатства – рынок огромных неиспользуемых яхт, рынок недвижимости в строго определенных локациях, рынок спортивных трансферов, пухнувший рынок произведений искусства, цифры на котором уже приближаются к десятизначным, и так далее!

Мы видим, что это конвенциональное богатство легко подлечит процедуре «отмены». По щелчку пальцев, без переворотов и революций российские олигархи потеряли все – деньги, яхты, дворцы, стоимость компаний, даже сама юридическая принадлежность компаний поставлена под вопрос. Еще сто лет назад для этого требовался разбой, грабеж, революция. Теперь же, как в сказке о Золотой антилопе, все «золото» в одну секунду превратилось в черепки. Это не случайное, а фундаментальное свойство современного богатства – оно виртуально, и оно есть до тех пор, пока считается, что оно есть. Как это ни странно и ни смешно.

Четвертая и нарастающая проблема современной экономики – ненужность человеческого труда. Есть миф о том, что с ростом производительности труда человек освобождается от тяжелого труда для творческой работы. В реальности мы видим, что труд сводится к простейшим операциям, которые затем легко автоматизируются, и человек освобождается от функции производителя в экономике (а заодно от возможности действительно творческого труда). За ним остается лишь функция потребителя, и современные экономисты говорят о том, что проще выплачивать всем базовый доход, чем придумывать новые сферы приложения труда. Но именно как потребитель человек нужен до сих пор – позарез, иначе экономика перестанет работать.

Достаточно непредвзято посмотреть на то, чем занимается армия офисных работников и участников «креативных кластеров» в развитых странах – это, конечно, чисто бюрократическая деятельность, имеющая полезность близкую к нулю. Есть анекдот, хорошо демонстрирующий реальный КПД офисной работы. Председателю Совета директоров крупной добывающей корпорации птичка запачкала снаружи окно кабинета. Поскольку стекла в небоскребе были панорамные и глухие, он попросил вызвать альпинистов и стереть птичий сюрприз. Все были «за» и побежали исполнять. Однако процесс согласования занял полгода – никто не мог его ускорить, хотя все мгновенно ставили подписи. И самый главный босс топал ногами и скрежетал зубами, но вынужден был смотреть на испачканное окно. Таков КПД офисной бюрократии. Это реальная история, рассказанная топ-менеджерами корпорации.

Пятая проблема экономики – отсутствие связи макроэкономических процессов с микропроцессами экономики, где действуют реальные субъекты экономики – мы с вами. Именно поэтому требования построить «инклюзивную», т. е. «справедливую» экономику абсолютно несбыточны, так как вообще непонятен механизм связи объема вырабатываемых благ с благосостоянием конкретных субъектов экономики. С одной стороны, мы видим массу субъектов экономической деятельности в виде физических и юридических лиц, с другой стороны, описания макроэкономических процессов, где этим субъектам нет места. И нет экономических моделей, которые бы математически связывали национальный или мировой объем богатств с богатством конкретных лиц (юридических и физических), имеющих координаты места и времени. В логике потребительской экономики мы имеем дело со среднеарифметическими величинами, с виртуальным субъектом экономики – *homo economicus*. Это такой условный, не улыбающийся, рациональный «экономический человек», человек-модель, нигде в конкретном месте и времени не находящийся. Он-то богатеет, а вот конкретные люди – очень по-разному.

Как только мы попытаемся задать координаты места и времени, так ответы у современной экономической теории закончатся. Какой КПД от роста ВВП для жителя центра Москвы, для жителя окраин Москвы, для жителя деревни в Сибири, малого города на Урале? Каковы механизмы распределения этого виртуального богатства? Очевидно, что КПД очень разный, а механизмы распределения совершенно волонтаристские и не могут быть описаны. Конкретных ответов на эти вопросы нет. Однако современная практическая экономика пытается выписывать рецепты, исходя из этой неработающей

теоретической модели. Это все равно как ядерный реактор попытаться построить на представлениях о том, что вместо физики квантовых частиц на микроуровне работает детерминистическая физика маленьких абстрактных «ньютоновых» тел.

С 1970-х годов проблема движения человеческой цивилизации по катастрофическому пути развития осознается в развитых странах. Есть многочисленные доклады Римского клуба, есть зафиксированный в документах ООН дискурс об «устойчивом развитии» мира. Императивы этого дискурса понятны: давайте беречь ресурсы, давайте справедливо распределять блага, давайте замедлим рост. Проблема в том, что эти императивы лежат вне законов, по которым работает мир *economics*. За пятьдесят лет этот дискурс не дал никаких результатов и не может дать. Мы видим, как все в восторге от роста китайской экономики более чем на 5 % в год, как все стремятся повторить этот рост, как все корпорации имеют планы увеличивать и увеличивать объемы продаж, хотя мир завален ненужными вещами и отходами, мы видим, что часть мира бесится с жиру, а часть голодает... И ничего не меняется десятилетиями, потому что таковы вышеперечисленные механизмы экономики, породившие эти проблемы.

Как мы можем управлять устойчивым развитием мира, когда понятия социальной и природной гармонии, красоты внеположны миру нашей хозяйственной деятельности? То есть мы сами выделили рациональную зону хозяйствования, где действуют только законы конкуренции, равновесия и роста объема производимых благ, срок жизни которых должен сокращаться. Мы назвали зону такого хозяйствования – экономика. Но что такое термин «экономика»? Это термин Аристотеля «ойкономика». Буквальный перевод – «все, что касается законов ведения хозяйства» (*plurale tantum* из др.-греч. ойкос – хозяйство и номос – закон). До второй половины XX века употребляли слово «хозяйство», «народное хозяйство» для обозначения того, что мы сейчас называем словом «экономика». Конечно, мы можем сказать, что экономика – это та часть хозяйственной деятельности человека, которая соответствует модели, которая описана выше, а остальное – это неопируемая, иррациональная сфера хозяйства.

И создается в самом ужасном – именно за счет такой ограниченной экономической модели человеческого хозяйствования возникает выгороженная зона для рациональных хозяйственных действий *homo economicus*. Мы сами ее выгородили и изъяли из целостной экосистемы Земли и Вселенной! Именно поэтому эта деятельность, для которой красота и гармония – не только природная, но и социальная, оказы-

ваются внеположной, такая деятельность и приводит к катастрофе, к разрушению красоты и гармонии экосистемы не только в природном, но и в социальном плане. Пространство еsonomics не самодостаточно, хоть и стремится к подобию этого, поэтому оно берет ресурсы извне этой выгороженной зоны и сбрасывает вовне отходы, поэтому концентрирует богатство-активы в ограниченном числе мировых финансовых центров, выпихивая на периферию (в страны третьего мира) нужду-пассивы в виде деятельности по добыче сырья и реального производства товаров. Именно поэтому бесконечно увеличивающаяся денежная масса, которая призвана разогреть вращение циклов экономики, должна продаваться из финансовых центров на периферию так, чтобы все обесценивающий инфляционный навес обрушивался на периферию, очищая золотую сердцевину мира еsonomics.

Часть 2. Два контура экономики – установление цены и создание ценности. Два богатства экономики. Где в экономике спряталась свобода воли?

Возможна ли другая экономика, другие механизмы ее работы, которые направят хозяйственную деятельность человечества по пути, не приводящему к катастрофе? Для меня удивительным открытием была русская экономическая мысль начала XX века, прерванная революцией и пошедшая потом уже по пути развития западного марксизма. Приведу цитату из труда о. Сергия Булгакова (профессора-экономиста, философа, священника и богослова) «Философия хозяйства»: «Итак, хозяйство есть борьба человечества со стихийными силами природы в целях защиты и расширения жизни, покорения и очеловечения природы, превращения ее в потенциальный человеческий организм... Содержание хозяйственного процесса можно поэтому выразить еще и так: в нем выражается стремление превратить мертвую материю, действующую с механической необходимостью, в живое тело, с его органической целесообразностью, поэтому в пределе цель эту можно определить как превращение всего космического механизма в потенциальный или актуальный организм, в преодоление необходимости свободой, механизма организмом, причинности целесообразностью, выразить как очеловечение природы».

На мой взгляд, это отправная точка для развития экономической мысли и построения логики новой экономики – экономики заботы о гармонизации всего мира за счет хозяйственной деятельности человека. Такая логика восстановит целостность экосистемы Вселенной, потому что здесь нет места выгороженной зоне «рациональной потреби-

тельской экономики», и человек здесь не изъят, а, наоборот, является активной творческой частью экосистемы.

Каково же может быть развитие в современности этой русской основы экономики, как она может помочь решить пять проблем современной потребительской системы хозяйствования? Надо сказать, что человечество стремится к истине в разных точках земного шара, поэтому разные идеи и концепции, которые стремятся к преодолению тотально потребительской логики экономики, возникают и в США, и в Европе. Всем известна концепция «устойчивого развития», все слышали о концепциях замедления всего – от замедления экономического роста (т. е. безудержного вращения маховика экономики) до замедления потребления, в том числе «еды» – slow food, и социальных процессов – slow cities, есть и экономическая концепция blended value.

Последнее интересно тем, что вводит в экономику измерение неденежных, нефинансовых целей. Ну например, можно поставить цель развития компании «УАЗ»: получить xx рублей прибыли и добиться среднего пробега машин без ремонта xx месяцев, и 100 % локализации производства. Тогда, глядишь, УАЗ перестанет сгнивать за три года, и в России появится действительно местный автомобиль. Очевидно, что логика «смешанной ценности» ущербна, потому что цели непонятно как связаны и могут противоречить друг другу – например, получить прибыль и сделать надежный автомобиль.

Мы привыкли рассматривать человеческую хозяйственную деятельность в разрезе потребления. И таким образом мы получаем контур экономики с процессами: установления ценового равновесия, конкуренции, распределения. В целом этот контур мы можем назвать контуром энтропийных процессов, процессов, происходящих «из нужды» и необходимости насытиться, обогреться и т. д. – «в поте лица своего будешь добывать хлеб свой».

А если мы посмотрим на хозяйственную деятельность человека глазами о. Сергия Булгакова, то мы получим другой разрез, другой контур – контур с процессами производства долгосрочной (а в пределе вечной) ценности, процессом накопления нетленного богатства, контур целеполагающего построения иерархических, гармоничных социально-природных структур и в конце концов контур проявления творческой воли (т. е. действий не из нужды, а из свободы). Девиз этого контура – «не хлебом единым жив человек». Я хочу, чтобы этот контур назвали «русский контур экономики».

Два контура сосуществуют в нашей хозяйственной деятельности – взаимопересекаются, влияют друг на друга. Процессы контура энтро-